

Рядом со свадебным платьем стоял жертвенник. Войдя в комнату Нань Цзина, Юй Аньянь изумлённо замер: здесь обнаружилось сразу два алтаря.

Они располагались прямо напротив кровати. Первый, покрытый облупившимся от времени красным лаком, явно помнил не одно поколение местных жителей. На его поверхности не виднелось ни пылинки — деревенские явно ухаживали за ним с особым почтением.

На выцветшем красном дереве теснилась добрая дюжина крошечных латунных курильниц, украшенных тигриными головами. Из каждой тянулись тонкие струйки сизого дыма — длинные желтоватые благовония успели прогореть лишь наполовину. Плотный сладковатый аромат густым облаком завис над жертвенником.

В самом центре, среди тлеющих палочек, покоился кувшин с прахом из бледно-зелёного селадона размером с кулак. Судя по всему, именно его староста и назвал «божеством». Однако убранство алтаря ничуть не напоминало почтение к светлому небожителю — скорее от этого места веяло зловещей чертовщиной.

Чуть правее примостился второй алтарь — совсем крошечный, из светлого дерева, шириной в локоть и высотой едва ли по голень. В самом его центре лежал портрет божества величиной с настенный календарь.

Нань Цзин проследил за взглядом спутника. Стоило ему посмотреть на старинный Портрет божества, как в груди болезненно кольнуло.словно невидимая нить, привязанная к самому сердцу, внезапно натянулась, и кто-то резко, безжалостно за неё дёрнул.

В ушах хрустальным эхом отозвался звон серебряного колокольчика.

Звук этот казался рождённым в заоблачных чертогах — зыбкий, окутанный туманом, едва различимый. Но в то же время он будто поднимался из ледяных глубин преисподней, пробирая до костей замогильным холодом.

Нань Цзин напрягся. Рука сама взлетела к затылку, пальцы нащупали алую шёлковую нить на шее. Он медленно, один за другим перебрал пять висящих на ней колокольчиков справа налево. Ни один из них не дрожал. Всё замерло. Похоже, таинственный звон ему просто почудился.

Поджав губы, юноша подошёл к низкому алтарю, едва доставшему ему до колен, и присел. В полумраке разглядеть детали рисунка было трудно. Настороженно вытянув руку, Нань Цзин кончиком указательного пальца толкнул верхний край вертикально стоявшего Портрета божества. Тот послушно повалился навзничь, открывая лик неведомого бога.

Теперь слабый свет падал прямо на изображение.

Портрет, написанный на пожелтевшей от времени рисовой бумаге, явно разменял не одно столетие. Безжалостные годы подточили бумагу, краски поблёкли и местами стёрлись, но даже время оказалось бессильно перед величием запечатлённого на ней мужчины.

Незнакомец обладал статной, высокой фигурой. Он был облачён в чёрное, расшитое золотыми нитями одеяние с широкими рукавами, а на его голове покоилась императорская корона с двенадцатью нитями отборного жемчуга. Драгоценные подвески скрывали глаза мужчины, но даже сквозь размытые мазки кисти и жемчужную завесу угадывался взгляд — властный, суровый и недостижимый для простых смертных.

Нань Цзин опустил взгляд ниже. Там, где шея переходила в линию подбородка, виднелось квадратное клеймо золотисто-багрового цвета, похожее на татуировку. Иероглиф внутри состоял из множества черт, но бумага здесь пострадала сильнее всего, позволив рассмотреть лишь левую часть знака — ключ «стоять».

Зато на удивление чётко прорисованы были предметы в руках божества. В правой руке незнакомец сжимал меч из белого нефрита с золотой инкрустацией, клинок которого покрывала вязь крошечных позолоченных знаков. В левой же ладони он небрежно держал печать. Присмотревшись к её основанию, Нань Цзин сумел разобрать два вырезанных иероглифа: «Фэнду».

Заметив, с каким пристальным вниманием Нань Цзин изучает свиток, Юй Аньянь подошёл ближе. По старой профессиональной привычке режиссёр сразу окинул взглядом углы пожелтевшей бумаги в поисках авторского клейма. И действительно, в правом верхнем углу виднелся крошечный оттиск.

Юй Аньянь нахмурился.

— Эта печать... Неужели подлинник?

Нань Цзин удивлённо вскинул голову.

— Подлинник чего?

Режиссёр на мгновение замялся под его прямым, немигающим взглядом. Привычным жестом он постучал указательным пальцем по бедру, а затем указал на угол Портрета божества.

— Такое клеймо ставил на свои работы один известный мастер по фамилии Чэнь, живший несколько веков назад и писавший исключительно портреты божеств. Судя по текстуре бумаги, перед нами действительно древний артефакт. А если судить по деталям одежды и регалиям, здесь изображён Великий император Фэнду.

— Великий император Фэнду? — тихо повторил Нань Цзин, сводя брови к переносице.

— Неудивительно, что ты о нём не слышал, — ответил Юй Аньянь, заметив его замешательство. — В народе его чаще называют Императором призраков. В древних хрониках упоминается, что в определённую эпоху он действительно почитался как реальная сила. В те тёмные времена, когда по земле свободно бродила нечисть, люди верили, что лишь Владыка преисподней способен обуздать легионы демонов. Ему молились с неистовым рвением, и храмы Фэнду стояли едва ли не в каждом уезде.

Режиссёрская эрудиция давала о себе знать — Юй Аньянь прекрасно ориентировался в исторических хрониках. Видя, как внимательно его слушают, он отбросил привычное высокомерие и нехарактерно мягко продолжил:

— Однако затем наступил провал. Все упоминания о богах, демонах и самом Императоре исчезли из летописей почти на целое столетие. Никто не знает, что стряслось за те сто лет, и до наших дней не дошло ни единого достоверного свидетельства. Зато когда хроники возобновились, отношение людей к Великому императору Фэнду изменилось самым кардинальным образом. Его возненавидели.

Юй Аньянь сделал паузу, всматриваясь в потемневшие краски на Портрете божества.

— Современные историки полагают, что Владыку преисподней обвинили в умышленном потворстве нечисти. Будто он сам наводнил мир живых демонами, со злобы наслав на людей бесчисленные бедствия. Страх перерос в слепую злобу. С тех пор его имя старались даже не упоминать, а культ угас навсегда.

Нань Цзин лишь презрительно сморщил нос.

— Жалкие людишки. Столкнувшись с бедой, они вместо того, чтобы решать проблемы самостоятельно, сначала слепо вымаливают пощаду у небес, а затем перекладывают собственную вину на богов. Трусость, больше ничего.

Юй Аньянь удивленно изогнул бровь. Слова юноши явно зацепили его.

Режиссёр ещё раз бросил взгляд на портрет и скрытое под слоем вековой грязи клеймо, после чего скептически покачал головой. Откуда в этой глуши взяться подлинному шедевру древности? Наверняка дешёвая подделка под старину.

Разговор иссяк сам собой. Юй Аньянь подошёл к мониторам слежения, вкратце объяснил Нань Цзину, как ими управлять, и направился к выходу.

— Ладно, Нань Цзин, я пойду к себе. Если что-то случится, стучи в мою дверь без колебаний.

Юноша молча кивнул.

Как только за режиссёром закрылась дверь, Нань Цзин вновь подошёл к низкому алтарю. На этот раз он опустился на корточки, чтобы осмотреть его как можно внимательнее — от текстуры древней бумаги до самого дерева подставки. В тусклом свете лампы он заметил крошечный выдвижной ящичек. Потянув за кольцо, юноша обнаружил внутри толстую красную свечу.

Красные свечи в этой деревне пользовались дурной славой, поэтому прикоснуться к находке он не решился. Оставив ящик приоткрытым, Нань Цзин поднялся и направился к кровати.

Но едва его тело коснулось матраса, снаружи донёсся глухой, тяжёлый удар — будто что-то массивное с размаху рухнуло на деревянный пол коридора.

Нань Цзин замер, вперив взгляд в закрытую дверь.

Скрип... Скрип...

На часах было ровно полночь. Звук, раздавшийся в тишине, ни с чем нельзя было перепутать: так прогибаются старые, полусгнившие половицы под чьим-то весом. Шаги раздавались на узкой лестнице, ведущей со второго этажа на третий.

Комната Нань Цзина находилась в самом углу коридора, вплотную к этому пролёту. Когда они расставляли оборудование, установить камеру внутри лестничного колодца не удалось, поэтому объектив закрепили прямо у подножия — в кадр попадали лишь три нижние ступени.

Скрип... Скрип...

Звуки множились, становясь отчётливее. Кто-то медленно, размеренно спускался вниз.

Нань Цзин резко повернулся к монитору.

В полумраке экрана мерцали девять разбитых секторов. Восемь из них оставались совершенно неподвижными — там царил покой. Но взгляд юноши намертво прикипел к нижнему правому углу. Именно эта камера, висящая у подножия лестницы, захватывала в кадр двери всех жильцов.

Каждый новый скрип отдавался в ушах всё громче, неумолимо приближаясь к его комнате. Нань Цзин мысленно считал ступени: семь... восемь... девять...

На десятом счёте в правом нижнем углу монитора что-то шевельнулось.

На третью снизу ступеньку опустилась нога. Обутая в алую остроносую туфлю с грубой вышивкой на белой подошве, она наступила на дерево как-то неестественно, опираясь лишь на

самый носок.

Скрип...

Узкий, заострённый носок, толстая подошва... Стежки на ткани были неровными и грубыми, какими обычно бывают ритуальные свадебные туфли, сшитые деревенскими старухами для новобрачных.

Нань Цзин затаил дыхание.

Скрип...

Теперь на экране появились обе ноги. Лодыжки над краем туфель были мертвенно-бледными и голыми. Выше шли просторные, болтающиеся штаны из грубого белого полотна. Две руки висели плетью вдоль туловища, безвольно прижимаясь к белой ткани. Ногти на пальцах отсутствовали — их словно выдрали с мясом, оставив лишь сочащиеся сукровицей, воспалённые ногтевые ложа.

Ещё шаг — и силуэт проступил на экране полностью. Судя по очертаниям, это была женщина. В просторном белом саване, с распущенными, свалывшимися чёрными волосами. Её голова безжизненно склонилась набок под немыслимым, изломанным углом, а длинные пряди полностью закрывали лицо. Монитор бесстрастно фиксировал каждое её дёрганое, задеревенелое движение. Она упорно спускалась вниз.

Нань Цзин неотрывно следил за её шагами. Чтобы не выдать себя неосторожным шорохом, он решил применить хитрость: переступить с ноги на ногу в тот самый миг, когда тварь за дверью опускала свою стопу. Подстраиваясь под этот жуткий ритм, он начал медленно пробираться к тумбочке, где лежал его чёрный рюкзак с припрятанными на всякий случай ножницами и большим ножом для фруктов.

Женщина сделала ещё два шага. В то мгновение, когда подошва её туфли коснулась последней ступени, Нань Цзин занёс ногу для очередного шага, но его носок так и завис в воздухе.

Тварь в белом саване мгновенно, словно стерев само расстояние, возникла прямо перед его дверью.

Нань Цзин судорожно замер на одной ноге, плечи мелко вздрогнули. Он из последних сил сдержал рвущийся из горла вздох.

Женщина стояла, опустив голову, скрытая занавесью волос. Медленно, механически она подняла искалеченную кисть. Пальцы согнулись с сухим, отчётливым хрустом ломающихся костей.

Тук... Тук... Тук...

Раздался стук в дверь.

Стараясь не издать ни звука, Нань Цзин скосил глаза на монитор. Жильцы остальных четырёх комнат крепко спали. Барабнящий по крыше ливень надёжно глушил любые шорохи, происходящие в коридоре. Юноша почти перестал дышать.

Цифры таймера в углу экрана бесстрастно отсчитывали секунды.

Женщина за дверью медленно повернула шею и прижалась ухом к полотну, пытаясь уловить хоть какое-то движение внутри. Она выжидала, проверяя, пуста ли комната.

Не уловив ни единого шороха, гостя опустила руку. Но прежде чем Нань Цзин успел перевести дух, она резко выпрямилась и... принялась с глухим стуком биться головой о деревянную преграду, точно надувным мячом.

Стук возобновился, но теперь он был вязким, влажным и пугающе тяжёлым.

Нань Цзин стиснул зубы. До рюкзака оставалось ещё три шага — слишком много, чтобы преодолеть их бесшумно и забрать ножи. Спешно оглядевшись, он медленно присел, вытянул руку и мёртвой хваткой вцепился в тяжёлую настольную лампу, стоявшую на краю тумбочки. Если придётся драться, это будет его единственным оружием.

Стук в дверь продолжался бесконечно долгую минуту. Нань Цзин не шевелился, заворожённо глядя на экран.

Наконец стук прекратился. Однако облегчения это не принесло.

Белая фигура по-прежнему стояла на пороге, застыв каменным изваянием. Она не собиралась уходить. Юноша чувствовал, как от напряжения немеют пальцы, сжимающие металлическую ножку лампы. Что она выкинет в следующий миг?

На экране женщина замерла лицом к двери, спиной к объективу. словно время в коридоре остановилось, превратившись в статичную картинку. Лишь бегущие секунды на таймере доказывали обратное.

Вдруг тишину пререзал жуткий, скрежещущий хруст.

Нань Цзин не сразу понял, что это. Звук нарастал, заполняя комнату омерзительным треском ломающихся костей и выворачивающихся суставов. Он бросил взгляд на монитор и похолодел: стоявшая у двери женщина начала неестественно складываться пополам.

Она изгибалась под диким, нечеловеческим углом. Суставы лопались, сухожилия сжимались в узлы. Её правая рука вывернулась назад, совершив полный оборот в плечевом суставе. Синевато-бледная кожа на предплечье начала лопаться и ошмётками сыпаться на пол, обнажая сочащуюся чёрной гнилью плоть.

Тварь опускалась всё ниже, пока её склонённая голова почти не коснулась половиц.

Нань Цзин резко перевёл взгляд на порог.

Щель под дверью внезапно потемнела. Сквозь узкий зазор внутрь поползли жирные, скользкие пряди чёрных волос. А следом за ними, в слабом ореоле света от ночника, показалась пара пустых, сочащихся сукровицей провалов глазниц, пристально всматривающихся в глубину тёмной комнаты.

<http://bllate.org/book/19041/1911263>